

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

ВТОРОЙ ГОД

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТЧЕТЫ

№ 32

СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Четверг 3 апреля 1947 года, 10 ч 30 м утра
Лейк Соксес, Нью-Йорк

Председатель Г-н КУО Тай-чи (Китай)

Присутствуют представители следующих стран Австралии, Бельгии, Бразилии, Китая, Колумбии, Польши, Сирии, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик и Франции

117 Предварительная повестка дня (документ S/317)

- 1 Утверждение повестки дня
- 2 Инциденты в проливе Корфу
 - а) Письмо представителя Соединенного Королевства в Совете Безопасности от 10 января 1947 года, адресованное на имя Генерального Секретаря с приложениями (документ S/247)¹
 - б) Сообщения, полученные от албанского правительства, относительно инцидентов в проливе Корфу (документ S/250)²
 - в) Доклад Подкомитета при Совете Безопасности об инцидентах в проливе Корфу (документ S/300)³

118 Утверждение повестки дня Повестка дня утверждается

119 Продолжение обсуждения жалобы Соединенного Королевства на Албанию

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*)
Триглашаю представителя Албании занять место у стола Совета

Представитель Албании занимает место за столом Совета

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*) Господин

Председатель, на нашем последнем заседании, посвященном этому вопросу, я сказал, что предложу некоторые замечания и рекомендации⁴. Поэтому, с вашего разрешения, я сделаю краткое замечание по поводу предыдущих заседаний, которое, я полагаю, приведет к определенному и практическому предложению.

Я могу сказать, что с одной точки зрения я был чрезвычайно удовлетворен результатом голосования 25 марта по резолюции, которую я имел честь предложить Совету, с теми поправками, которые внесли делегации Соединенных Штатов и Франции.

Советская и польская делегации сказали мне, что данное дело совсем не следовало вносить в Совет Безопасности, и что во всяком случае мне не удалось доказать какую-нибудь виновность албанского правительства. Но за эту резолюцию проголосовало семь представителей из девяти и тем показали, что это дело с их точки зрения не только являлось подходящим делом для представления Совету Безопасности, но и что по включению большинства я обосновал нашу жалобу против Албании.

Резолюция эта, несмотря на то, что она получила требуемое числовое большинство подавляющее за нее голосов, не имеет силы, потому что она не была поддержана одним постоянным членом Совета, а именно Советским Союзом.

Я не могу претендовать на то, что меня это удивило, потому что в самых ранних стадиях нашей работы, прежде чем все доказательства были представлены и прежде чем какие-либо из них были тщательно обсуждены, г-н Громыко заявил, что наши обвинения против Албании были, как он выразился, «абсолютно неосновательны»⁵. За ним последовал представитель Польши, который сказал нам, что выдвинутое нами обвинение против Албании не обосновано, и заявил, что в создании подкомитета нет необходимости, а сам, тем не менее, считая нужным войти в этот подкомитет и тем осложнить его работу⁶.

¹ См. Официальные отчеты Совета Безопасности второй год, Дополнение № 3, приложение 8

² Официальный отчет Совета Безопасности, второй год, Дополнение № 3 приложение 9

³ Там же, Дополнение № 10, приложение 22

⁴ См. Официальные отчеты Совета Безопасности, второй год, № 29

⁵ См. Официальные отчеты Совета Безопасности, второй год, № 18

⁶ См. там же, № 21

Это пример — и к тому весьма достопримечательный и серьезный случай — пользования правом вето Представителю Советского Союза не нравится говорить о праве вето, он предпочитает настаивать на том, что он называет доктриной «единогласия постоянных членов», под чем он, очевидно, понимает, что другие постоянные члены должны подчиняться точке зрения советского правительства, когда последнее составляет меньшинство. Те из моих коллег, которые являются постоянными членами, видимо, не принимают эту версию доктрины, и я могу сказать, что я, со своей стороны, также не принимаю ее. Однако, несомненно было бы потерей времени сейчас пытаться обсуждать этот вопрос. Но мы можем запомнить этот пример пользования правом вето для следующего раза, когда нам скажут, что принцип единогласия должен применяться для принудительных действий, например, против нарушителя какой-либо конвенции по контролю над атомной энергией. Тут дело в нарушении международной конвенции, и нарушитель ее защищен, в данный момент, советским вето.

В своем выступлении в Совете 5 марта, в связи с докладом Комиссии по атомной энергии, г-н Громыко привел, как он сам утверждал, историческую (но по существу неточную) справку о происхождении «права вето Великих держав» в Совете Безопасности. Он заявил, что принцип права вето, с которым советское правительство согласилось, был первоначально предложен Соединенными Штатами и Соединенным Королевством, причем он добавил, что, пока еще с их стороны не было расхождения в мнениях по этому вопросу, никто на Конференции в Думбартон-Оксе «даже не посмел подумать о том, что может существовать какое-либо другое решение вопроса»⁷.

Г-н Громыко не поясняет как можно примирить его версию по данному вопросу с тем фактом, который он должен, так же как я хорошо помнить, что Конференция в Думбартон-Оксе затянулась на несколько недель вашигтонского лета, попав втупик из-за этого самого вопроса. Я хотел бы освежить его память, напомнив вкратце точки зрения наших соответствующих делегаций, как они были изложены в записках, разосланных правительствами до Конференции в Думбартон-Оксе. Советский меморандум заявлял просто, что «решения Совета по вопросам, относящимся к предотвращению или подавлению агрессии, должны утверждаться большинством голосов, включая голоса всех постоянных представителей в Совете». Предложение же Соединенного Королевства хотя признало, что единогласие постоянных членов нормально необходимо для решений по вопросам существа, тем не менее добавило, что «во всяком случае голоса сторон спора не должны приниматься в расчет».

Именно это последнее предложение не было приемлемо для советской делегации, настаивавшей все время на том, чтобы принцип единогласия применялся даже тогда, когда великая держава является стороной в споре, и должен соблюдаться строго, вплоть до исключения даже

самой дискуссии в Совете в связи с подобным спором. О чем еще мы спорили в Думбартон-Оксе? Почему мы должны были оставить незаполненной главу о голосовании? Этот пробел в предложениях не был заполнен до тех пор, пока правительство Соединенных Штатов не предложило в Ялте установить правило, что великая держава, являющаяся участницей в споре, должна воздержаться от участия в голосовании по решениям в связи с мирным улаживанием данного спора. Тогда, наконец, советское правительство нашло невозможным противиться дольше этому правилу, которое сейчас является частью Устава. Однако ясно, что Соединенные Штаты и Соединенное Королевство вовсе не были поборниками принципа единогласия. Предложение Соединенных Штатов, принятое нами, хотя оно и не шло так далеко как первоначальное предложение, внесенное Соединенным Королевством на Конференции в Думбартон-Оксе, представляло то максимальное отступление от этого правила, на котором можно было согласиться в интересах беспристрастия и соблюдения демократического принципа, что никто не должен быть судьей при разборе его собственного дела.

Установив в достаточной мере мою точку зрения почему данное обвинение против Албании подлежит рассмотрению Советом, и получив требуемое числовое большинство голосов в пользу моей резолюции, я не могу воздержаться от того, чтобы не сделать некоторые замечания по поводу того положения, в котором находится Совет в настоящий момент.

Воля большинства в Совете встретила обструкцию. Я должен просить Совет задуматься над выводами, которые можно сделать из происшедшего. Грубое нарушение закона, о котором идет речь, произошло 22 октября прошлого года. Некоторое замедление было вызвано нашей попыткой уладить дело непосредственно с Албанией, согласно статье 33 Устава. Это оказалось безнадежным. Но все же это не помешало советскому представителю обвинить нас в пренебрежении статьей 33 и в том, что мы не пытались достигнуть улажения спора непосредственно⁸. Я думаю, что фактически наше поведение в этом деле и наши попытки достигнуть непосредственного улажения выгодно отличаются по сравнению их с тем как вносились многие другие дела в Совет, без предварительного предупреждения или попыток улажения. Всякий, кто читал переписку⁹, мог видеть, что албанская позиция исключала все надежды на непосредственное улажение. Поэтому, согласно инструкциям моего правительства, я внес 10 января официальную просьбу о рассмотрении Советом этого дела¹⁰. После всевозможных обструкций и замедлений с разных сторон, Совет впервые выслушал дело 18 февраля¹¹. И сегодня, 3 апреля, мы все еще находимся перед Советом, совер-

⁸ См. Официальные отчеты Совета Безопасности, второй год № 6, стр. 64.

⁹ Там же, Дополнение № 3, приложение 8, стр. 21-26 и Дополнение № 6 приложение 15, вещественное доказательство IV.

¹⁰ Там же, Дополнение № 3, приложение 8 стр. 1.

¹¹ Там же № 15, 107-е заседание.

⁷ См. Официальные отчеты Совета Безопасности второй год № 22, стр. 456 англ. текста.

шенно блокированным, неспособным принять решение и бессильным

Я допускаю, что это дело не может означать вероятности немедленного нарушения мира (Это, между прочим, обуславливается выдержкой и воздержанностью наших кораблей, которые даже в мае прошлого года могли вполне законно ответить эффективно на огонь, которому подвергли их албанские береговые батареи) Но могут возникнуть другие, более неотложные и более угрожающие дела и, если Совет Безопасности парализуется ныне одним вето, можем ли мы иметь какую-нибудь уверенность в том, что вообще он будет в состоянии или пожелает эффективно разрешать подобные дела?

Речь идет о деле, внесенном в Совет на основании таких фактических доказательств, какие не представляются ему часто Мы неохотно возбудили это дело, мы пытались уладить его непосредственно, но потерпели неудачу Мы могли бы извлечь некоторую долю удовлетворения только от размышления о том, что здесь, по крайней мере, было дело, основанное на убедительных фактических доказательствах Вместо того, чтобы заниматься идеологической пропагандой и инсинуациями, не опирающимися ни на что реальное, мы могли бы доказать, не оставляя никакого сомнения, что, как это было признано семью членами Совета, нарушение Гаагской конвенции имело место, мы могли бы привести целый ряд обстоятельств, которые неизбежно вызвали догадку о виновности Албании И это также было принято семью из девяти голосующих членов Мы надеялись, что престиж Совета мог бы выиграть от того, что представленное ему надлежащим образом дело было бы быстро и справедливо разрешено Боюсь, что Совету помешали сделать это

Я полагаю, что Совет не может оставить дело в том положении, в каком оно находится заключение большинства отвергнуто одним вето

Совет может поступить лучше Согласно статье 36 Устава, Совет может рекомендовать, чтобы обе стороны внесли этот спор в Международный Суд

Как я указал, мы пытались вести непосредственные переговоры с правительством Албании, но они не увенчались успехом Затем мы надеялись, что дело может быть урегулировано с помощью Совета, который, мы думали, мог вынести заключение, основанное на фактах, с тем, чтобы дальнейшие непосредственные переговоры могли иметь некоторую надежду на успех Но это оказалось невозможным из-за позиции, занятой советским представителем Поэтому, я предлагаю, чтобы Совет теперь же рекомендовал обеим сторонам немедленно передать спор на рассмотрение Международного Суда

Я могу сказать, что если бы Совет сделал подобную рекомендацию, тогда мое правительство сделало бы немедленно все от него зависящее для осуществления ее В виду того, что правительство Албании согласилось с условиями, на которых оно приглашается Советом для участия в дебатах в связи с этим спором, а именно, с принятием на себя всех обязательств, которые возлагаются на члена Объединенных Наций в

подобном случае, Совет, помня статью 25 Устава, несомненно рассчитывал бы, что Албания будет действовать с подобной же быстротой

Поэтому я имею честь внести следующую резолюцию

«Совет Безопасности,

приняв во внимание заявления представителей Соединенного Королевства и Албании относительно спора между Соединенным Королевством и Албанией, возникшего в связи с инцидентом, имевшим место в проливе Корфу 22 октября 1946 г., в котором два британских корабля были повреждены минами с последующей потерей жизни и ранений среди их команд,

рекомендует, чтобы правительства Соединенного Королевства и Албании немедленно передали спор в Международный Суд, согласно с положениями Статута Суда»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*) Представителем Соединенного Королевства была внесена резолюция Желает ли кто-нибудь высказаться?

Г-н ДЖОНСОН (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*) Делегация Соединенных Штатов всецело поддерживает эту резолюцию В то же время я хотел бы выразить сожаление делегации Соединенных Штатов по поводу того, что Совет Безопасности не смог принять мер в целях содействия мирному разрешению представленного ему дела Я надеюсь, что Совет не встретит затруднений к поддержке и утверждению столь беспристрастного предложения, как то, которое было внесено представителем Соединенного Королевства

Казалось бы что наименьшее, что Совет может сделать теперь, это дать беспристрастному трибуналу, каковым является Международный Суд, возможность исправить отчасти, если возможно, ущерб, нанесенный действием Совета Безопасности Акт передачи нами дела не исправляет причиненного вреда, но мы поступаем так, потому что мы все верим в беспристрастность Суда

Г-н АРАНЬЯ (Бразилия) (*говорит по-английски*) После тщательного рассмотрения представленного нам дела, мне стало очевидным, что дело идет, раньше всего, о принципе, который требует разъяснения, и поэтому я считаю своим долгом внести его на обсуждение Совета

Из всего, что было сказано и изложено, и из выводов, сделанных во время наших долгих и повторявшихся прений, так же как и из предварительного доклада Подкомитета и результатов подробного рассмотрения фактов и разных аспектов данного дела, получается впечатление, что Совет иногда функционировал в качестве арбитражного суда, а иной раз в качестве судебного трибунала

Совет Безопасности не является трибуналом и не может быть таковым Он представляет собою, *по преимуществу*, политический и исполнительный орган Объединенных Наций Наши функции не судебные и мы заседаем здесь не в качестве международных судей Иначе трудно было бы объяснить для чего существует Меж-

дународный Суд и с какой целью в Сан-Франциско были расширены его функции

Наши функции были хорошо определены в Уставе и мы не можем ни расширять ни сокращать их. Если бы на основании неправильного понимания или неправильного применения была сделана попытка такого рода, результатом этого явилось бы фактическое расчленение нашей Организации. Предоставляя Совету широкие (и даже допускающие расширение) функции, Устав ограничивает их в пределах того положения, что они должны исполняться в соответствии с принципами и целями Объединенных Наций. Каков бы ни был характер спора, он может стать предметом рассмотрения Советом только при условии, если продолжение его может угрожать поддержанию международного мира и безопасности.

Статья 33 Устава налагает на стороны в любом споре обязательство стремиться прежде всего «разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениями или иными мирными средствами по своему выбору».

Албания и Соединенное Королевство не истощили подобные меры, когда они передали их дело Объединенным Нациям, соответственно 29 октября 1946 г и 10 января 1947 г. Следовательно, по моему мнению, положения Устава не были соблюдены, когда Совет решил рассматривать этот спор, прежде чем стороны в споре истощили все ресурсы, предусмотренные в нашем конституционном документе. Совет, вопреки его специфическим функциям, был превращен в арбитражный суд.

Я не считаю возможным для себя отказать в принятии решения Совета, которому я должен подчиниться, но я полагаю, что я должен выяснить ошибочность этого прецедента для того, чтобы избежать повторения, которое может чрезвычайно вредно отразиться на нашем престиже и на выполнении наших функций.

Совет, очевидно, воспользовался широким правом, предоставленным ему статьей 34 (на основании которого он может расследовать любой спор или любую ситуацию), применяя ее вместе со статьями 35 и 36, в которых указан порядок рекомендации соответствующих процедур или методов урегулирования споров. Но эти статьи применимы, во-первых, только, когда требования статьи 33, призывающие к мирному урегулированию спора, были соблюдены и, во-вторых, когда спор или ситуация представляют собой вероятность угрозы поддержанию международного мира и безопасности.

Кроме того, вне всякого сомнения, что, даже принимая в соображение спор или ситуацию, представляющие собой вероятность угрозы миру и безопасности, Совет не имеет полномочий на судопроизводство, а только на исследование и рекомендацию надлежащих действий или методов урегулирования спора. При разбирательстве споров или ситуаций Совет не ограничивается, как был бы ограничен суд, или трибунал, рассмотрением доказательств, фактов, обстоятельств и законов. Характер наших функций политический, а не судебный. Наше рассмотрение спора

или ситуации должно ограничиваться лишь той стороной спора или ситуацией, которая может угрожать поддержанию мира и безопасности. Поэтому наши полномочия исключают рассмотрение нами каких-либо других споров или ситуаций, во избежание расширения сферы нашей компетенции за пределы, установленные Уставом.

Это основной вопрос. Если мы теперь не определим его точно, и если мы не установим пределы нашей компетенции, тогда этот Совет превратится в низшую судебную инстанцию по разбору всех споров между нациями.

Однако, если Совет признает, что спор между Соединенным Королевством и Албанией входит в круг его ведения, потому что продолжение спора, после того, как все ресурсы для мирного улажения его были исчерпаны, представляет собою вероятную угрозу международному миру и безопасности, тогда наша функция состоит в том, чтобы объявить одно из решений, которые специально предусмотрены для Совета в подобных случаях.

У нас нет причин задерживаться ни над рассмотрением доказательств обеих сторон, ни над претензиями и взаимными обвинениями, которые выдвинуты перед нами. Здесь нет ни истцов, ни ответчиков. Мы не должны решать кто прав, Соединенное Королевство или Албания, а просто рекомендовать надлежащий порядок или метод урегулирования спора, или предписать принятие необходимых мер для прекращения того положения дел между двумя государствами, которое представляет собою угрозу международному миру и безопасности.

Опять-таки, примирение сторон, сглаживание разногласий, переговоры о соглашении, арбитраж споров и вынесение вердиктов не входят в сферу наших функций. Мы действуем, главным образом, для защиты и обеспечения международного мира и безопасности, когда они находятся под угрозой. У нас нет полномочий на осуждение или оправдание. Наши решения основаны исключительно на интересах международного мира и безопасности, а не на других каких-либо соображениях. Мы не имеем прерогативы наказывать или нет, выслушивать обвинения и защиту, и, наконец, надобные приносящих заседателей, выносить вердикт.

Поэтому, делегация Бразилии надеется, что в будущем после того, как мирные способы урегулирования спора, рекомендуемые статьей 33, были исчерпаны, Совет будет принимать к рассмотрению только такие споры, продолжение которых представляет собою угрозу международному миру и безопасности, при условии, что подобная опасность подтверждается предварительным расследованием.

На этом основании, мы всецело поддерживаем предложенную нам резолюцию, в надежде, что в дальнейшем, когда мы будем иметь дело с подобными вопросами, Совет будет руководствоваться положениями статьи 36, и, с самого начала, будет передавать подобные споры в Международный Суд.

Г-н Эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*) Сирийская делегация выразила свое мнение в связи с этим вопросом на последнем за-

седании и указала, что стороны в споре могут передать это дело или же попытаться использовать один из других способов, изложенных в первом параграфе статьи 33 Устава. Один из них, как я указал в то время, состоит в посредничестве или в судебном решении. Так как проект резолюции, внесенной теперь Соединенным Королевством, соглашается с этой рекомендацией, делегация Сирии не возражает против нее и готова поддержать ее.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*) Я выслушал замечания представителя Бразилии с большим интересом, а также с некоторой долей сожаления, что они не были сделаны в более ранней стадии наших прений. Я хочу напомнить Совету, что представитель Польши был первым, кто принял точку зрения, что характер дела был таков, что оно по существу не подходило для рассмотрения Советом, а должно было бы быть рекомендовано для улаживания другими средствами, в согласии со статьей 33¹². Я полагаю, что если бы эта точка зрения была принята Советом, можно было бы избежать излишних дебатов и недоразумений.

В той ранней стадии прений, наша делегация также пыталась выяснить мнения других делегаций относительно обращения к Международному Суду, как к надлежащему решению данного дела. К сожалению, оказалось, что наиболее влиятельные делегации, в тот момент, возражали против этого. Поэтому, я должен сказать, мы удивляемся, что теперь с запозданием открывают некоторые идеи, которые были уже предложены либо официально, либо неофициально польской делегацией.

Впрочем, в нашем деле имеется новый элемент. Я слушал с большим интересом выступление представителя Соединенного Королевства, но, прежде чем я сделаю более серьезные замечания по поводу его речи, я хочу еще отметить два менее значительных пункта, касающиеся позиции, занятой представителем Польши.

Представитель Соединенного Королевства сказал: «За ним (А. А. Громыко) последовал представитель Польши, который сказал нам, что выдвинутое нами обвинение против Албании не обосновано, и заявил, что в создании подкомитета нет необходимости, а сам, тем не менее, счел нужным войти в этот подкомитет и тем осложнить его работу».

Во-первых, я хочу внести небольшую поправку. Я отлично помню, что представитель Польши не сказал тогда, что дело не имеет под собой почвы, но заявил, что такое дело не подлежит рассмотрению Советом и что оно должно быть улажено с помощью других мер, точка зрения, с которой представитель Сирии согласился, а теперь с запозданием соглашается и представитель Бразилии, и мне кажется, что это вероятно относится также и ко многим другим членам Совета.

Представитель Соединенного Королевства также сказал, что польский представитель предпочел осложнять работу Подкомитета. Хотел ли он осложнять ее тем, что добивался получения

соответствующих фактов? Если стремление установить факты означает осложнение дебатов, тогда мы вполне признаем себя виновными.

Читая и слушая речь представителя Соединенного Королевства, я нахожу, что одна половина его речи в действительности относится к совершенно другому предмету, который не имеет никакой связи с разбираемым нами вопросом, а именно, с вопросом о праве вето. Откровенно говоря, я действительно думаю, что этот вопрос был неуместен потому, что вопрос о праве вето не значится на повестке дня, как подлежащий обсуждению. Но, так как этот вопрос был поднят, то, может быть, некоторые из представителей пожелают обсудить его, отвечая на доводы представителя Соединенного Королевства.

По поводу заявления, сделанного представителем Соединенного Королевства, я могу сказать, что крайне сожалею, что он счел нужным использовать спор между Соединенным Королевством и Албанией, для того чтобы навязать Совету немалую политическую пропаганду насчет права вето и других вещей, которые отлично могли бы быть рассмотрены, если бы, скажем, кто-нибудь захотел порекомендовать поправку к Уставу, но которые не имеют непосредственной связи с вопросом, стоящим перед нами.

Как я уже сказал, мы вполне готовы приступить к обсуждению этих проблем, если представитель Соединенного Королевства признает это желательным. Мы готовы согласиться и просить о том, чтобы обсуждение вопроса о праве вето было включено в повестку дня Совета, для того чтобы сделать ясным, что мы заняты обсуждением другого вопроса, однако мы не хотели бы смешивать рассмотрение спора между Соединенным Королевством и Албанией с вопросами, которые совершенно чужды самому спору, и которые относятся к Уставу и к достоинствам или недостаткам некоторых из заключающихся в нем положений.

Я действительно хотел бы обратиться к Совету с просьбой освободить разбираемое нами дело от всяких попыток применения его в целях политической пропаганды, будь то против правительства Албании, или всякого другого правительства, независимо от того состоит ли оно членом Объединенных Наций или нет.

Однако, поскольку были выставлены некоторые доводы о праве вето, и так как некоторые делегации, включая мою собственную, желают ответить на них, нам понадобится несколько времени для изучения и для формулирования нашей точки зрения. Я считаю, что было бы целесообразным, ввиду создавшейся новой ситуации, отложить рассмотрение всей проблемы до одного из последующих заседаний, и для того, чтобы иметь больше времени для выступления в связи с этой новой ситуацией, объявить теперь это заседание закрытым.

Г-н ван ЛАНГЕНХОВЕ (Бельгия) (*говорит по-французски*) Как я уже имел случай указать, тот факт, что мины были в секретном порядке поставлены в водах, которыми пользуются для движения судов, является неопровержимо серьезным обстоятельством. Повторение подобного факта, несомненно, могло бы отразиться на поддержании мира и безопасности.

¹² См. Официальные отчеты Совета Безопасности, второй год, № 18.

Поэтому было бы, по моему мнению, гибельным, если бы Совет, будучи занят этим вопросом, который входит в круг его компетенции, оказался бы неспособным принять решение. Это было бы серьезным признанием нашего бессилия, и общественное мнение увидело бы, в какой мере государства могут, при существующих правилах голосования, полагаться на Организацию Объединенных Наций, в отношении гарантии безопасности.

Представитель Соединенного Королевства предложил, чтобы Совет рекомендовал сторонам внести их спор на рассмотрение Международного Суда. Подобная рекомендация согласуется с положениями Устава. Она находится в соответствии с методом улаживания, которому правительство Бельгии оставалось всегда верным. По моему мнению Совет Безопасности должен быть единогласен в одобрении ее.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*) Я не понял, внес ли представитель Польши официальное предложение о закрытии заседания. Вот почему я не поставил его предложение на голосование. Желает ли польский представитель внести его официально?

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*) Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*) В связи с тем, что вы сказали по вопросу о вето, я не думаю, чтобы нам следовало теперь начинать какую-нибудь дискуссию. Кроме того, я думаю, что ссылка представителя Соединенного Королевства на этот вопрос не была неуместна, так как он вносил при этом резолюцию, которая была бы совершенно ненужной, если бы решение большинства Совета не оказалось неосуществимым в результате наложенного вето.

С другой стороны, я не считаю, что нам следует затевать прения по данному вопросу ни теперь, ни в ближайшем будущем, если только Совет не решит иначе.

Так как представитель Польши сделал официальное предложение о закрытии заседания, я выясню мнение Совета, прося его проголосовать данное предложение. Но, прежде чем голосовать, однако, я обращусь к представителю Советского Союза, который просил слова.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*) К порядку ведения заседания, господин Председатель, не говорится ли в правилах процедуры, что предложение о перерыве заседания должно быть представлено на голосование без дискуссий?¹³

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*) Да.

А А ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик) Могу ли я высказаться?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*) Будете ли вы говорить к порядку ведения заседания?

А А ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик) Господин Председатель,

поскольку (*Речь прерывается представителем Соединенного Королевства*) Могу ли я говорить или не могу? Я хочу коснуться этого предложения и хочу, чтобы слушали то, что я буду говорить. Я коснусь вопроса, который поднял польский представитель. Г-ну Кадогану это не вполне нравится. Я вполне согласен с тем, что большая часть выступления английского представителя не имеет никакого отношения к вопросу.

Если я правильно понял выступление представителя Великобритании, он хотел доказать, что Англия не относится к числу инициаторов, предложивших включить в Устав Объединенных Наций положение о вето, которое было включено. Я готов допустить, что Англия среди двух инициаторов является инициатором № 2, а Соединенные Штаты инициатором № 1. В этих пределах я готов согласиться. Заявление г-на Кадогана в той части, в которой оно соответствует действительности, лишь подтверждает мое заявление от 5 марта о том, что было записано в Уставе относительно этого принципа, было предложено Соединенными Штатами и Великобританией¹⁴. Это было фактически подтверждено.

Что касается резолюции г-на Кадогана и предложения, которое внес здесь г-н Ланге в связи с этой резолюцией, я должен сказать, что мне она была неизвестна. Из заявлений некоторых других представителей видно, что им, как будто, эта резолюция была известна. Трудно рассматривать эту резолюцию сейчас на заседании Совета Безопасности, не изучив ее. Поэтому я согласен с предложением, которое внес г-н Ланге. Поскольку резолюция, которая внесена на сегодняшнем заседании, неизвестна по крайней мере некоторым членам Совета Безопасности, она должна быть изучена. Сейчас же ее трудно рассматривать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*) Слово принадлежит представителю Колумбии, который желает говорить по вопросу о порядке ведения заседания.

Г-н ЛОПЕС (Колумбия) (*говорит по-английски*) Я не совсем уверен, что это вопрос порядка ведения заседания, но поскольку представителю Советского Союза было дано слово в связи с предложением о закрытии заседания, я полагаю, что, несмотря на то, является ли это вопросом порядка ведения заседания или нет, я могу сказать несколько слов по поводу предложения представителя Польши. Мне известно, что, согласно правилам процедуры, предложение о закрытии заседания должно быть решено без прений. Я не намереваюсь вступать в дебаты в связи с предложением г-на Ланге, но просто хочу попросить некоторого разъяснения либо от Председателя, либо от представителя Польши.

Польский представитель предложил объявить заседание закрытым на основании того, что заявление, сделанное сэром Александром Кадоганом, вносит вопрос о вето в эти прения, и что этот вопрос не имеет отношения к албанскому спору. Если мы последуем рекомендации г-на

¹³ Правило 33 временных правил процедуры Совета Безопасности.

¹⁴ См. Официальные отчеты Совета Безопасности, второй год, № 22.

Ланге, что вопрос о вето не должен рассматриваться, так как он не относится к делу, тогда я нахожу предложение о закрытии заседания в некоторой мере противоречивым. Если мы не намереваемся обсуждать вопрос о вето, тогда нет причины, чтобы закрывать заседание. Мне кажется, что мы должны продолжать рассмотрение албанского вопроса.

Конечно, если мы намерены обсуждать вопрос о вето, и если это фактически было предложено сэром Александром Кадоганом, положение совершенно меняется. В таком случае, я буду голосовать за перерыв заседания, потому что я действительно верю в то, что было бы очень полезно в настоящей стадии наших обсуждений поговорить о том, как действует вето на нашу работу. Я полагаю, что, вполне согласуясь с общим духом Объединенных Наций, было бы чрезвычайно уместно выяснить, должны ли мы придерживаться первоначального положения, что вето должно оставаться без изменения, и что в Устав не должны вноситься поправки, такого мнения упорно придерживались большие державы, состоящие постоянными членами Совета, или не было ли бы целесообразным учесть возможность внесения поправок к Уставу с тем, чтобы изменить его или урегулировать пользование правом вето, как оно применялось. Я, с своей стороны, верю, что большинство из нас найдет это не только чрезвычайно полезным, но и весьма необходимым и своевременным.

Поэтому, я хотел бы попросить Председателя предложить представителю Польши осветить этот вопрос. В частности, я хотел бы знать, прерываем ли мы заседание в целях рассмотрения на нашем следующем заседании всей проблемы с тем, чтобы можно было сделать также некоторые замечания по поводу вето, или же мы просим будем обсуждать албанский вопрос и уделим немного больше времени на рассмотрение предложения, внесенного представителем Соединенного Королевства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*) Я боюсь, что кратковременное отклонение Председателя от того правила процедуры, согласно которому предложение о перерыве заседания должно быть поставлено на голосование без прений, увлекло нас далеко в нашей дискуссии.

В ответ на замечания представителя Колумбии я полагаю, что поскольку вопрос об инцидентах в проливе Корфу значится на нашей повестке, мы должны продолжать рассмотрение его. Что касается обсуждения вопроса о праве вето, то всякий член, желающий включить его в повестку дня, может сделать это, сделав заявление в соответствии с нашими правилами процедуры.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*) Я только хотел немного помочь, если смогу, в разъяснении того, что, повидимому, является недоразумением.

Я не предлагал начать прения по вопросу о вето. Я считаю, что имел полное право высказать некоторые замечания по поводу того, что произошло на нашем последнем заседании, посвященном данному вопросу, как имеет на это право и всякий другой представитель. Я не вно-

сил предложения о подобной дискуссии. Конечно, если кто-либо желает включить вопрос в повестку дня Совета, он имеет право это сделать, и я был бы рад принять участие в прениях, которые, однако, я не думаю, могли бы привести к каким-либо результатам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*) Благодарю вас. Председатель того же самого мнения.

Господин ПАРДИ, желаете ли вы высказаться по вопросу порядка дня?

Г-н ПАРДИ (Франция) (*говорит по-французски*) То, что я хотел сказать, составляло вопрос порядка ведения заседания только поскольку оно было связано с предыдущими заявлениями. Я предпочитаю не считать это вопросом порядка ведения заседания и воздержаться от выступления в данный момент.

А А ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик) Внеся предложение о том, что трудно обсудить этот проект резолюции, так как я его заранее не изучал, я этот вопрос не связывал ни с вопросом о вето, ни с каким-либо другим вопросом. Мой единственный мотив состоит в том, что это новое предложение я сейчас, по существу, обсуждать не могу. В связи с ним возникает ряд вопросов, над которыми нужно будет подумать, изучив их.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*) Я полагаю, что пора нам вернуться к польскому предложению о перерыве заседания. Я попрошу Совет проголосовать это предложение.

Г-н АРАНЬЯ (Бразилия) (*говорит по-английски*) Я буду голосовать за перерыв заседания не на основании предложения, внесенного польским представителем, а на основании рекомендации представителя Советского Союза. Я не думаю, что мы можем продолжать разбирать вопрос, если один из представителей желает уделить больше времени для сформулирования его мнения.

Полковник ХОДЖСОН (Австралия) (*говорит по-английски*) Господин Председатель, означает ли это предложение перерыв до после полудня сегодня, чтобы предоставить время для изучения, или же перерыв до другого дня?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*) Я думаю, что оно имеет в виду перерыв до другого дня, а не до после полудня сегодня. Насколько я знаю, несколько членов Совета не очень охотно соглашались заседать сегодня днем.

Г-н Эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*) К порядку ведения заседания, господин Председатель. Я думаю, что внесено два предложения о перерыве заседания: одно представителем Польши, другое представителем Советского Союза. Первое, поскольку я понимаю его, означает просто отказ от обсуждения предложенной нам резолюции. Предложение советского представителя дает основания для перерыва, по которому мы готовы голосовать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*) Я понял, что советский представитель просто

поддержал польское предложение о перерыве Я попрошу польского представителя вновь повторить его предложение

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*) Я должен выяснить недоразумение. Мое предложение о перерыве не означало отказа от обсуждения резолюции. Так как представитель Соединенного Королевства внес в наши прения проблемы, которые не были представлены раньше, я считал желательным, чтобы представителям было дано некоторое время для того, чтобы обдумать их и разграничить различные проблемы, и, в частности, отделить существенные от несущественных.

Представитель Советского Союза внес дополнительный личный запрос, который попросту означает, что он желает иметь время для изучения резолюции. Конечно, утверждение моей резолюции дало бы ему требуемое время.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*) Мы проголосуем теперь вопрос о перерыве заседания, вероятно до следующей среды в виду того, что мы будем заняты в понедельник и во вторник.

Голосование поднятием рук дало следующие результаты

За

Бразилия
Польша
Сирия
Соединенные Штаты Америки
Союз Советских
Социалистических Республик

Против

Австралия
Бельгия
Колумбия

Воздержались

Китай
Соединенное Королевство
Франция

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*) Результат голосования пять голосов за перерыв, три против при трех воздержавшихся. Предложение отвергнуто.

А А ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик) Так как польское и советское предложения, по-моему, смешались, то я прошу проголосовать мое, советское предложение, в чистом виде отложить рассмотрение этого вопроса, потому что я, советский представитель, хочу изучить внесенную резолюцию. Я это не связываю ни с вопросом о вето, ни с

каким-либо другим вопросом. Я просто хочу дополнительно изучить эту резолюцию и прошу не смешивать это с польским предложением — по крайней мере так, как оно было понято вначале, — не связывать с вопросом о вето. Я просто хочу изучить дополнительно эту резолюцию. Вот единственное мое соображение. Я прошу проголосовать мое предложение с моими мотивами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*) Я рад, что советский представитель внес простое предложение о перерыве заседания. Я поддерживаю его предложение о перерыве по простой причине, высказанной им. Я не видел этого текста раньше и я считаю, что когда какой-нибудь член Совета просит дать ему больше времени для изучения резолюции, он имеет на это право.

Я не поддержал польское предложение ввиду того, что польский представитель дал чуждые мотивы для объявления перерыва.

Я оставляю теперь на голосование советское предложение без дальнейших дебатов.

Желает ли представитель Австралии высказаться по вопросу порядка дня?

Полковник ХОДЖСОН (Австралия) (*говорит по-английски*) Это едва ли является вопросом порядка ведения заседания, но кажется, что все пользуются вопросом порядка дня, чтобы вставить свое слово.

Так как я был одним из тех, кто голосовал против перерыва, я хочу пояснить, что я голосовал против польского предложения. По моему мнению, польский представитель сделал заявления, которые были совершенно неправильными, и в виду тех мотивов, которые он дал для перерыва, я был против этого и выразил желание продолжать заседание. Но мотивы, приведенные нашим советским коллегой являются по моему мнению, совершенно правильными и достаточными, и на этот раз я буду голосовать за перерыв.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*) Прошу всех тех, кто стоит за советское предложение о перерыве рассмотрения этого вопроса до следующей среды после полудня, поднять руки.

Было произведено голосование поднятием рук

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*) Предложение о перерыве утверждается единогласно.

Заседание закрывается в 12 ч 55 м дня.